ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.В. БОБРОВОЙ

Мой папа, Владимир Павлович Бобров, был не только художником, но и широко образованным человеком, разбирающимся и в искусстве, и в технических дисциплинах. В юности совместно с братом Виктором (ставшим впоследствии доктором технических наук) занимал первые места в моделировании летательных аппаратов. Увлекался астрономией, посещал лекции Циолковского. Он знал несколько европейских языков, писал стихи, играл на фортепьяно и на струнных инструментах. Любил классику: Бетховена, Моцарта, Чайковского, Рахманинова.

В военное время был кавалеристом, связистом. В последнем бою, перед тяжёлым ранением, подбил четыре танка, за что был награждён Орденом Славы…

Когда он в очередной раз поднялся с гранатой в руке навстречу идущему вражескому танку, рядом разорвался снаряд. Владимир Павлович был тяжело ранен: была оторвана челюсть, искалечены всё лицо, руки.

Его привезли в Грузию, в Тбилиси. Можно сказать, хирург собрал его по частям. И папа поправился. Но зрение навсегда было нарушено, видел плохо. Однако он вёл свою студию во Дворце пионеров увлечённо, страстно, уделяя внимание каждому ученику. По праздникам он собирал юных художников за чайным столом, где беседовал с ребятами как с равными, называя всех на ВЫ.

СЛОВО О НАСТОЯЩЕМ ПЕДАГОГЕ

В 1957 году мы жили на проспекте Ленина, напротив двухэтажного дома, в котором находился в то время «Дом пионеров».

К моим родителям часто заходила пожилая, интеллигентная, очень солидная дама Надежда Павловна Овчинникова. Однажды она увидела мои рисунки и сказала, что ребенка надо отвести в детскую студию к Владимиру Павловичу Боброву. Что её сын Владик учился у этого замечательного преподавателя и сейчас заканчивает художественный институт. Она переговорила с Владимиром Павловичем, мы с папой пришли к нему в назначенный день и принесли с собой мои рисунки. Учитель посмотрел их и многозначительно сказал, что «талант есть, но его надо поставить на рельсы». Папа был очень доволен, я же перед преподавателем испытывал трепет. Он мне показался строгим, суровым, очень значительным. Так начались мои первые посещения кружка Дома пионеров.

Конечно, сейчас я понимаю, что в некотором смысле эта студия напоминала средневековую художественную мастерскую, где вокруг мастера группировались разного возраста, таланта и мастерства ученики. И, действительно, вокруг Владимира Павловича старшие, которые готовились к поступлению в училища и институты, рисовали гипсовые головы, натурные портреты; младшие – гипсовые трилистники и кувшины с яблоками; самые маленькие девочки рисовали бордюры. К праздникам оформляли зал Дома пионеров готовили декорации, шили костюмы, головные уборы, делали маски из папье-маше, рисовали стенгазеты и ещё много других мелочей.

Помню, как Владимир Павлович позвал меня и вручил коробку акварельных красок «Ленинград», написав на них мою фамилию. Я трепетно держал их в руках, каждую красочку с любовью, как драгоценность, разворачивал, читал названия цветов, серебристый фантик бережно снимал, любуясь оттенками красок. Прошло много лет, но я до сих пор люблю больше других именно «Ленинградские» акварельные краски и всегда с нежностью вспоминаю своего первого учителя рисования, который подарил мне не только эти краски, но и дал путевку в жизнь.

Леонид ЭФРОС

Подольский Краеведческий музе
Участники вечера, посвящённого памят
педа[illegible]ова. 2015 го